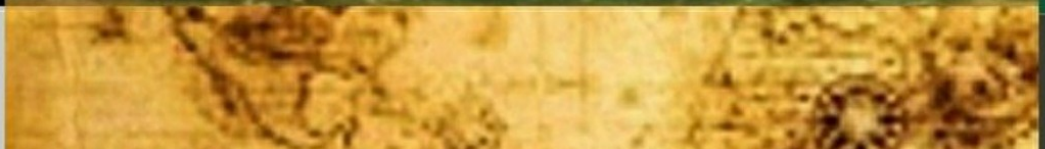

Наталья Пащенко

Птичка в клетке

Николай Карильский
часть 2

Наталия Пащенко

Птичка в клетке

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пащенко Н. В.

Птичка в клетке / Н. В. Пащенко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга стала увлекательным продолжением приключений Николая Карильского, раскрывшего тайну немзыкальной шкатулки. В этой части жаждущий тихой и спокойной жизни сэра Карильский приобретает дом за городом для того, чтобы скрыться подальше от суеты. Но, вовлеченный в тонкую политическую игру, не только покидает родной город, но и Англию. Николаю предстоит пересечь Атлантику, открыть для себя Новый Свет, Мексику, Британскую Гвиану, а также познакомиться с историей индейцев, пиратства и рабства. Воды Карибского моря закружат сэра Карильского в приключениях и опасностях.

© Пащенко Н. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Птичка в клетке

Николай открыл глаза после тяжелого сна. Он лежал на мягкой перине под балдахинном в спальне своего нового загородного дома. Над его лицом склонился человек в белом халате, этот странный господин водил перед глазами Николая каким-то серебристым предметом. Мадам Фирс – экономка, стоявшая неподалеку, – с облегчением выдохнула:

– Слава Богу, он очнулся.

Карильский хотел приподнять голову и взглянуть на мадам, но свет, лившийся из высоких окон спальни, резал ему глаза, а голова оказалась настолько тяжелой, что Николай поморщился от боли в шее и, не шелохнувшись, остался лежать неподвижным. Ему казалось, что лицо доктора искрилось и мерцало в лучах солнечного света. Терпеть резь в глазах было невыносимо, и Николай снова закрыл их. Он погрузился в сон, напоминающий бред или навязчивый кошмар, не покидавший его уже очень долгое время. Во сне он видел снова и снова губернатора Британской Гвианы и его слугу мулата, порт Джорджтаун, пароход «SantaNata», стоявший на рейде, рабов в кандалах и темнокожего аббата, а также пальмы Южной Америки.

Спустя некоторое время он открыл глаза снова. На этот раз в комнате царил мрак, за окнами чернела ночь, и, судя по звукам, доносившимся снаружи, лил сильнейший дождь. В темноте глаза Николая ничего не различали. Каждый удар капель в окна, казалось, разрывал ему мозг, сердце билось учащенно, и жутко хотелось пить. Он постарался встать с кровати, но его качнуло в сторону, и он почти упал на пол. Вокруг всё кружилось, летело, а главное – оглушительно звенело и трещало. Что происходит, он не понимал, может, это землетрясение или он тонет в собственном доме, как на корабле? Скатившись на пол с кровати и стоя теперь на четвереньках, он нащупал край перины и хотел подняться, но боль во всем теле не давала ему сделать и малейшего движения. Хозяин дома хотел позвать на помощь, но пересохшие губы не хотели разлепиться, и он издал только невнятное мычание, как будто его тело было теперь ему не подвластно. Этот стон, казалось, пронзил его грудную клетку болью. Николай чуть ли не плакал от собственной беспомощности. Он сделал еще одну попытку встать, но свалился, задев при этом ночной столик с графином воды, стоявший у кровати. Хрустальный сосуд в темноте качнулся и упал на пол, разлетевшись на мелкие осколки, вода растеклась по ковру, и под непослушными ладонями Николая зашлепала внушительная лужа. На грохот, доносившийся из комнаты хозяина, прибежала служанка – немка Хельга. В руках она держала газовую лампу. Увидев на полу спальни хозяина, девушка громко закричала. На ее крик в комнату вбежал доктор.

Он снова склонился над Николаем и в свете лампы заглянул в его глаза. После, поставив лампу на пол, помог встать хозяину дома. Было ясно, что без помощи Карильский подняться бы не смог. Его ноги разъезжались, как у новорожденного жеребенка. Усадив Николая на кровать, доктор попросил служанку принести воды, а сам начал мерить пульс больному. Уже через минуту из принесенного Хельгой графина Карильскому налили стакан прохладной воды. Он хотел взять его в руки, но стакан выскальзывал из непослушных пальцев. Доктор помог Николаю напиться, а после уложил его обратно в постель. Каждое движение казалось Николаю пыткой, он ничего не мог сделать самостоятельно. Его вертели как большую и неудобную куклу. Мысли, как и движения, давались ему не без труда. Он думал так: «Это доктор», «это мадам Фирс», «это вода». К Николаю снова пришел сон, но теперь ему снились пираты, драгоценности, маман, справляющаяся о его здоровье после премьеры в театре, где Николай в первый раз увидел девушку в голубом платье, ставшую его первой любовью.

Элизабет или Лизонька, так на русский манер называл юную актрису молодой Николай, была не только талантливой и чувственной, она обладала неземной красотой. Бог щедро одарил ее женскими прелестями, тонким музыкальным слухом и нежным голосом. Весь этот набор удивительных качеств должен был сослужить девушке прекрасную службу. Но! Ей не повезло

играть в одном театре с Агнессой Карильской. Не молодая, но известнейшая прима всех европейских подмостков и так недолюбливала молоденьких конкуренток приходивших в театр. Елизавету же царица лондонской сцены возненавидела за ее прелести, а узнав о том, что ее дорогой сын, милый мальчик, наивное дитя – Николай увлечен не на шутку «певичкой с бульвара», нимфа сцены приложила все усилия для того, что бы молодые люди прекратили встречаться. И на этом закончились ухаживания Николая, карьера Лизы и мечты о совместном счастье молодых людей.

Утром снова он открыл глаза, у кровати стоял доктор.

– Сэр, как вы себя чувствуете? – обратился человек в белом к Николаю, снова приступая к измерению пульса больного.

– Задерните шторы, – простонал тихо Карильский. Его глаза начали слезиться от неяркого света, попадавшего в комнату в пасмурный день.

– Хорошо, сэр, – ответил доктор и зашторил окно. – У вас болит голова? – продолжил он опрос больного. Николай слегка кивнул. – Что еще у вас болит, сэр? – настойчиво допытывался доктор.

– Всё болит, даже пальцы на ногах, – прошептал больной.

– Вы поправляетесь, – несмотря на ужасное состояние подопечного уверенно констатировал доктор. – Сегодня я проведу с вами весь день. Не волнуйтесь, всё будет в порядке.

Николай хотел спросить, что с ним, чем он болен и сколько это еще продлится, но не смог. Очень уж сложно ему было издавать какие-либо звуки. Обессиленный Карильский закрыл глаза, но не заснул, он, наконец, не провалился в царство Морфея, а начал вспоминать. Сначала отрывками, эпизодами, а позже смог восстановить и всю картину произошедшего.

Нет! Он не терял память! Николай мог поклясться в этом, его голова была похожа на шляпу фокусника, из которой выпрыгивает кролик как только с волшебного головного убора сдергивают черный платок. Почему-то именно такое сравнение предпочел больной.

– Моя голова это шляпа, а память это кролик, – думал с закрытыми глазами Николай. Кролик всё время находится в шляпе, его никто оттуда не вынимает, просто увидеть его можно только тогда, когда убирают черный платочек. Что служило платочком в его случае, Николай не знал, но пока это было и неважно, теперь, лежа в своей постели, он прокручивал воспоминания прошлых двух месяцев в своей голове.

Все началось с приезда Йозефа Брунштейна в новый дом Николая. Как раз в тот день, когда хозяин всецело посвятил себя устройению новой библиотеки. Старинные книги из дома на набережной были аккуратно вывезены и доставлены в дом без адреса. Его называли домом в парке или парковым домом. Он находился на выезде из Лондона, и именно поэтому Николай его приобрел. Чудесные виды из окон, свежий воздух, никакой суеты. И возможность отстраниться от придворного этикета, который некстати с каждым годом становился все жестче и жестче. Теперь для того чтобы принять гостей или самому съездить к кому-либо в гости, следовало соблюсти такое количество нюансов, что голова шла кругом. В моду вводились визитные карточки, без которых невозможно было посетить ни один приличный дом. Время, в которое гость появлялся у знакомых или друзей, говорило любопытной публике о том, в каких он отношениях с хозяевами. Заходить в дом со шляпой в руках и оставаться дольше, чем на двадцать минут, считалось дурным тоном. Положить головной убор на кресло – оскорбительным жестом для гостеприимных хозяев, а также еще миллионы мелочей, вникать в которые Николай не желал.

– Это всё для молодежи, – говорил он себе, – балы, маскарады, двор и светские учтивости. Мне это уже не нужно, а если и понадобится, то Лидия научит.

Одним словом, Николай сбежал от новых норм этикета, вводимых молодой и энергичной королевой Британии – Викторией.

В момент, когда Матэо принес Николаю визитную карточку, Карильский стоял на ступеньках, ведущих на второй этаж в библиотеку, и наблюдал за тем, как слуги заносят книги в дом из открытых входных дверей. Проходящий мимо хозяина с перевязанной стопкой книг Матэо протянул ему визитку темно-синего цвета. Николай, не ожидавший этого жеста, как всегда вспылал:

– Матэо! Ну не сейчас же! Подожди, пожалуйста! Я занят! – нервничая и злясь сказал Карильский!

Матэо был и сам не рад тому, что пришлось отвлекать хозяина в столь ответственный момент, но дело отлагательств не требовало. Перед центральным входом нового дома стояла карета Йозефа Брунштейна, который немедленно требовал доложить хозяину о его визите. На предложение Матэо зайти в дом самому, гость отмахнулся, ответив, что у него чрезвычайно мало времени. И только потому, что слуга точно был уверен в реакции Николая, он взялся беспокоить хозяина в ответственный момент переезда. Появление Брунштейна всегда радовало хозяина. Матэо, держа в одной руке связку книг, а во второй визитку, протянул ее хозяину снова. Николай был недоволен, но визитку взял, прочел имя, значившееся на ней, и улыбнулся. Он сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, чтобы как можно быстрее встретить долгожданного гостя. Пока Карильский торопился, в его голове мелькнула мысль о том, что все-таки нужно сначала слушать, а потом только сердиться. Но пока Николай только задумывался над своим поведением, на этом работа над своими недостатками заканчивалась. Он выскочил как пуля на центральные ступени перед домом и остановился, восклицая:

– О! Сэр! Как я рад вас снова видеть! Неужели дела так сильно держат вас, что вы не можете мне даже ответить на приглашение?! – И Николай раскинул руки для объятий, явно не соблюдая современный этикет, который предписывал мужчинам только рукопожатие, да и то, крепко держать собеседника за руку стало признаком дурного тона, не говоря о том, чтобы хорошенько встряхнуть ладонь старого приятеля.

– Я как раз за этим и жду вас, сэр! – улыбался в ответ Брунштейн, разводя свои руки в стороны. Йозеф, по-видимому, так же был рад тому, что может подальше от назойливых светских глаз вести себя так, как хочется, а не так, как диктует современная чопорная мода.

– Вы правы, сэр, времени у меня не слишком много. За последние три месяца, возможно, это единственные свободные минуты. Но, как видите, я тороплюсь провести их с вами.

– Я польщен! – воскликнул Николай. – Давайте же пройдем в дом! Неужели вам не хочется взглянуть на мое новое приобретение изнутри? – спросил Николай, как только щедрые объятия и рукопожатия закончились.

– Я обязательно взгляну на него, но не сейчас, надеюсь, дорогой мой друг, ваше предложение на сегодняшний вечер осталось в силе?

– Естественно, но я думал, вы не прочли письмо, ведь вы так заняты в последнее время и постоянно отсутствуете.

– Нет, напротив, я их все прочел, только сегодня днем, все восемь. Открою вам секрет, я только прибыл в Лондон. И сразу направился в ваш дом.

– Сегодня в семь вечера прошу вас, Йозеф, приходите. Буду рад вас видеть, нас ожидает ужин, оговорюсь – у меня новый повар – француз. Как обычно лучшее вино и мое новое приобретение – карамболь. Сложнейший из бильярдov. Надеюсь, сэр, я вас заинтересовал?

– О да! Конечно! – воскликнул Брунштейн. – Вашим обществом, поваром, ужином – да, а вот к игре я равнодушен, простите. Хотя хотелось бы взглянуть на шары и оценить материал. Очень интересно, из чего вам их сделали. Ведь лучшая кость есть только у меня.

– Что ж, вы, сэр, как всегда правы. И если вы посчитаете необходимым, я закажу у вас весь комплект.

– Только для вас, только для вас я снова возьмусь за это дело, – улыбнулся Йозеф.

– Мне приятно это слышать, но неужели вы больше не занимаетесь резьбой по кости для широкой публики? Вы так боялись оставить своих клиентов, а теперь и слышать не желаете о работе. На что вы променяли любимое дело? Как я помню, совершить кругосветное путешествие вы со мной отказались именно по этой причине.

– Да, да, дорогой Николай, у вас хорошая память, – усмехнулся Йозеф, – но я нашел кое-что получше. Дождитесь вечера и всё узнаете. Надеюсь, мы будем одни?

– Нет, к сожалению, так как вы не отвечали сразу, я пригласил одного рьяного любителя игры в бильярд.

– Кого же? – задумчиво и немного помрачнев спросил Брунштейн.

– Это Август-Фредерик Штальский. Вы должны его знать, видимо, он когда-то был вашим клиентом. Могу об этом судить из того, что Август о вас прекрасно отзывается.

– Я вам скажу даже больше, не только клиентом, но теперь и деловым партнером, – услышав фамилию Штальский, Йозеф снова повеселел.

– Вы меня удивляете, когда вы успели?

– Это вы меня удивляете: как за эти три месяца, вы не решились продать хотя бы один камешек.

– А откуда вам известно, что я ничего не успел продать?

– Эх, Николай я, просто, очень прозорлив, – ушел от ответа Йозеф.

– Да, закрутился. Сначала с Лидией, после с покупкой паркового дома. Вот видите, сколько камешков я приобрел, – и с этими словами Карильский обвел рукой свой новый особняк. – Кстати, скажу вам, – продолжил он, – что три месяца – это не так уж много, а вот перевезти библиотеку – целое дело. Переезд это вообще какие-то авгиевы конюшни. Есть начало, но конца не видно.

– Николай, – сказал Йозеф немного посерьезнев, – мне пора, идите к своим конюшням, я не буду вас больше отвлекать, надеюсь, ничего не переменится до сегодняшнего вечера.

И пожав крепко руку Карильскому, сел в карету.

Николай проводил друга взглядом и обернулся лицом к своему новому дому. Именно о таком скрытом от посторонних глаз особняке он мечтал в последние годы. Огромный парк, пруд, аккуратные дорожки, садовник и просторные конюшни. Николай вошел в дом. На первом этаже суетились мадам Фирс и окончательно оглохший Жак. Матэо раскатывал ковер по ширине всего холла, несколько слуг, оставшиеся в доме от прошлого хозяина, мистера Кляйна, немецкого барона, носили вещи на второй этаж, даже садовник, старый одноглазый немец, что-то перетаскивал из угла в угол. Бродяги и след простыл с того момента, как только его спустили с поводка в парке, теперь он охотился на жирных уток в саду, загоня их время от времени в старый пруд.

– Вот вернется Лидия из пансиона, – подумал Николай, – а у нас дом, как она и хотела.

Еще два месяца назад Лидию отправили в лучшую частную школу Англии, как раз после зимних праздников. Это было рождественским подарком ей, но девочка очень расстроилась. Она думала, что только со следующего учебного года приступит к обучению в школе. Но педагоги Лидии настаивали на том, чтобы леди Карильская как можно быстрее отправилась в пансион. Ей сумели бы дать любые знания и дома, но вот религиозное воспитание девочка могла получить в полной мере только в хорошей частной школе. Сама же Лидия называла этот отъезд ссылкой и писала слезные письма Николаю, чтобы он сжалился над ней и прекратил мучить. Из ее писем можно было сделать один вывод: в школе работают не учителя, а инквизиторы.

Лидия же в свою очередь на Рождество сочинила шуточную песенку для Николая, в которой пелось о птичке, изображенной на его фамильном гербе, вылетевшей из клетки и не знающей, как распорядиться своей свободой.

– Возможно, – пела Лидия, – птичке лучше вернуться обратно?

Ровно семь раз пробили старинные часы шейха, стоявшие в светло-зеленой гостиной, окрашенной как будто специально под цвет часов. И к дому подъехал первый экипаж, принадлежавший Йозефу Брунштейну, сразу же за ним во двор въехал второй экипаж, принадлежавший Августу-Фредерику Штальскому. Гости еще у карет обменялись рукопожатием и приветствиями, но именно такими, каких требовал дворцовый этикет: жеманными и церемонными. Николай наблюдал это из окна круглого зала, расположенного на втором этаже, где был накрыт ужин на три персоны. Гостеприимный хозяин поспешил к входной двери, чтобы встретить гостей. Когда он спустился, Матэо уже брал у гостей трости и цилиндры. Глухой Жак, не слышавший, как подъехали кареты, вошел в комнату только после хозяина, по чистой случайности. Николай подумал, что пора бы старику на покой. Но решил отложить решение этого вопроса до утра. Карильский приветствовал гостей и пригласил их наверх. Ужин был роскошным, вино превосходным, две молоденькие служанки-немки, одна приятнее другой, подносили новые и новые блюда, но разговор о делах не заходил. Николай догадывался, что обсуждаться должно что-то серьезное. Поэтому он не торопил своих гостей, по крайней мере, старался вести непринужденную светскую беседу.

– Господа, хочу заметить, – весело сказал Брунштейн, – что если я так буду ужинать каждый вечер, уже очень скоро не смогу носить новомодные туалеты!

С этими словами Йозеф положил жирный кусок осетрины в белом соусе себе на тарелку: – Bravo, Николай, у вас действительно прекрасный повар, вы несколько не преувеличивали!

– О да! – подтвердил Штальский. – могу судить по себе, если бы мода на высокие талии пришла лет двадцать тому назад, я бы радовался больше.

– А эти высокие шейные платки, господа! Ну, какие платки, спрашиваю я вас? – Йозеф смеялся, он был коренастым мужчиной, и шеи у него не было даже двадцать лет назад, поэтому современная мода явно не скрывала его недостатков, а наоборот подчеркивала их.

– А зауженный рукав! Это как же вы прикажете сидеть в седле? Я в таком виде и рук-то не сведу, чтобы взяться за поводья, – вторил Йозефу Август-Фредерик, и все рассмеялись.

Карильский наблюдал за болтовней двух гостей и ему казалось, будто они что-то и хотели бы обсудить, но пока для этого разговора не пришло время.

– Вот вы, сэр, – обратился Штальский к Николаю, – сбежали от города и прячетесь здесь, а вот если бы вам пришлось посещать балы, к примеру, вы бы устали только от тех тем, что ныне обсуждают: «Ах, мадам Адамс в плохо затянутом корсете»; «Ах, у лорда Кемингена слишком тонкие лодыжки в этих штанах»; «Ах, миссис Уилкинсон присела на стул не напротив мужа, а ее муж ехал по ходу движения кареты, а не против него». Тьфу, – выругался Штальский. Дамы еле дышат в этих корсетах, а врачи, кстати, настаивают, вопреки всякому здравому смыслу, на том, что ношение этих железок в кружевах полезно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.